

русские ценные бумаги и затем продавали их на парижской и лондонской биржах. Другой группе арестованных предъявлено обвинение в злобной спекуляции разными продуктами продовольствия, причем спекуляция эта производилась на немецкие деньги» (Арест Д. Л. Рубинштейна // Русское слово. 1916. 10 июля. № 159. С. 5 (без подп.)).

²³ Подразумеваются педагоги-словесники Ф. А. Гиляров (1841–1895) и А. И. Кирпичников (1845–1903), составители «Русской хрестоматии для младших классов гимназий» (М., 1869).

²⁴ Речь идет о газете «Россия», редактором которой Амфитеатров был до ноября 1901 года. Издание было закрыто за публикацию 13 января 1902 года фельетона Амфитеатрова «Господа Обмановы», направленного против царствующей семьи и императора Николая II. Подробнее об этом см.: Букчин С. Взлет и крах газеты «Россия» // Букчин С. Влас Дорошевич: Судьба фельетониста. М., 2010. С. 314–382. См. также прим. 25.

²⁵ Подробнее об этом см.: Амфитеатров А. В. «Господа Обмановы»: История романа и ссылки // Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. С. 101–103.

²⁶ Сазонов Георгий Петрович (1857–1934) — журналист, редактор газеты «Россия», сменил на этом посту Амфитеатрова.

²⁷ См. прим. 24. Здесь Амфитеатров указывает дату написания фельетона, ср.: «Первая глава романа осталась и последнюю. Написана она была в субботу 12 января, на скорую руку, к очередному воскресному фельетону» (см.: Там же. С. 94).

²⁸ Дорошевич Власий Михайлович (1865–1922) — журналист, фельетонист. О его участии в газете «Россия» см.: Букчин С. Взлет и крах газеты «Россия». С. 314–382.

²⁹ Речь идет о громком судебном процессе: братья С. Л. и П. Л. Скитские были несправедливо обвинены в убийстве секретаря Полтавской консистории Комарова. Дорошевич посвятил этому делу серию репортажей и выступил за пересмотр дела. В итоге подсудимые были оправданы.

³⁰ См. прим. 20.

³¹ Перечислены публицисты правых изданий, «нововременцы» Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918), Василий Васильевич Розанов (1856–1919), а также Иосиф Иосифович Кошлыко (1861–1938), сотрудник газеты «Гражданин».

³² Беляев Юрий Дмитриевич (1876–1917) — журналист, театральный критик, прозаик и драматург.

³³ Искаженная цитата из вступления к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

³⁴ Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) — предприниматель, книгоиздатель. В 1916 году Сытин купил права на издание еженедельника «Нива» у фирмы А. Ф. Маркса. По-видимому, речь идет о проекте издания собрания сочинений Амфитеатрова в качестве приложения к журналу «Нива», который не был осуществлен. Упомянута Иллария Владимировна Амфитеатрова (урожд. Соколова; 1875–1949), супруга Амфитеатрова, переводчица, автор воспоминаний.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-178-195

© А. Д. Савина, © Я. Д. Чечнёв

ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ А. А. БЛОКА ВО «ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ» 26 АВГУСТА 1921 ГОДА*

Смерть Блока 7 августа 1921 года стала потрясением для всего литературного мира России и русского зарубежья. Уже современниками кончина автора «Стихов о Прекрасной Даме» и «Двенадцати» воспринималась не только как личная утрата, уход любимого поэта, но как завершение «целой духовной и исторической эпохи».¹

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (РНФ). Проект № 21-18-00494: «История издательства „Всемирная литература“ в документах: судьбы творческой интеллигенции России в постреволюционном пространстве сквозь призму издательского проекта Максима Горького».

¹ Лавров А. В. «Романтика поминовения». Андрей Белый о Блоке // Андрей Белый о Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / [Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова]. М., 1997. С. 14.

«С ним ушел целый период в жизни русской литературы», — писал Э. Ф. Голлербах в 1923 году.²

Сразу после смерти поэта со страниц советской и эмигрантской печати хлынул поток некрологов, воспоминаний, поэтических опусов, посвященных Блоку, и даже мистификаций.³ Исследователями до сих пор публикуются неизвестные и малодоступные тексты, инспирированные смертью поэта.⁴

После похорон Блока редкий августовский день обходился без памятных мероприятий, устраиваемых различными организациями Петрограда и Москвы.⁵ При этом их характер и стиль существенно разнился — от скандального вечера в кафе «Стойло Пегаса»⁶ до глубоко проникновенного заседания в Вольной философской ассоциации (Вольфиле).⁷ Разумеется, издательство «Всемирная литература», с которым Блок был тесно связан в последние годы жизни,⁸ не могло остаться в стороне. И если руководители Вольфилы — Андрей Белый и Иванов-Разумник — сомневались в нужности «панихидного заседания»,⁹ то перед редколлегией «Всемирной литературы» такой вопрос

² Голлербах Э. Ф. Образ Блока. Воспоминания, впечатления, наброски // Возрождение. Литературно-художественный и научно-популярный, иллюстрированный альманах. М., 1923. Т. 2. С. 295; переизд.: Голлербах Э. Встречи и впечатления / Сост., подг. текста и комм. Е. Голлербаха. СПб., 1998.

³ См.: Русские советские писатели. Поэты: биобиблиографический указатель. М., 1980. Т. 3. Ч. 2. А. А. Блок. С. 157–171; Блок в критике современников (аннотированная библиографическая хроника 1902–1921) / Сост. В. И. Якубович при участии Н. Г. Захаренко, В. В. Серебряковой, Л. С. Шепелевой // Лит. наследство. 1993. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 5. С. 796–826.

⁴ Среди последних публикаций см.: Галушкин А. Ю. «...Кто забудет Блокову кровь?» Неизвестный некролог Б. Пильняка // Блоковский сборник XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX века. Тарту, 2003. С. 180–183; Бакунцев А. В. «В газетах — Блок, Блок, Блок...»: Отклик И. А. Бунина на смерть А. А. Блока // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 3. С. 100–114; Дворникова Л. Я. Заграничная печать о смерти Блока (К неосуществленному замыслу А. М. Ремизова) // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2016. [Т. 5]. С. 307–350; Боцяновский В. Ф. Трагедия Блока / Публ., предисловие и прим. А. С. Александрова // Там же. С. 372–397; Белобровцева И. З. Об одном некрологе Александру Блоку // Литературный факт. 2017. № 5. С. 236–247, и др.

⁵ См.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М., 2006. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. С. 140–150.

⁶ См.: Крусанов А. В. Русский авангард, 1907–1932. Исторический обзор: В 3 т. М., 2003. Т. 2. Кн. 1. Футуристическая революция, 1917–1921. С. 380.

⁷ Стенограмма выступлений была опубликована: Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг. Пб., 1922. Переизд.: Памяти Александра Блока: [Материалы]. Томск, 1996. См. также: Андрей Белый о Блоке.

⁸ А. А. Блок был приглашен во «Всемирную литературу» в сентябре 1918 года, в марте — принят в Коллегию как эксперт по литературе Германии (см.: Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. В. Н. Орлова. М., 1965. С. 428, 451). Основной работой Блока в горьковском издательстве стала подготовка собрания сочинений Гейне: при жизни поэта вышли 1-я и 2-я части «Путевых картин» (Гейне Г. Избр. соч. Пб.: Государственное издательство, 1920. Т. 5. Путевые картины. Ч. 1–2; Мемуары / Пер. В. Зоргенфрея; пер. П. И. Вейнберга; под ред. и с предисловием А. Блока), в 1922 году — напечатаны 3-я и 4-я части (Гейне Г. Избр. соч. Пб.: Государственное издательство, 1922. Т. 6. Путевые картины. Ч. 3–4 / Пер. В. Зоргенфрея; с предисловием Е. Книпович). Кроме того, Блок редактировал переводы из Вагнера и Гете, писал рецензии на переводы и вступительные статьи других сотрудников. С деятельностью в издательстве связано создание таких работ, как «Гейне в России», «Крушение гуманизма», «Об иудаизме Гейне». О «трудах и днях» Блока во «Всемирной литературе» см., например: Ланда Е. В. Мелодия книги: Александр Блок — редактор. М., 1982. С. 70–112; Гречишкин С. С., Лавров А. В. 1) Из эпистолярного наследия Александра Блока. Письма к В. А. Зоргенфрею // Гречишкин С. С., Лавров А. В. Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 292–315; 2) Александр Блок в «Пантеоне» и «Всемирной литературе»: письма к З. И. Гржебину и П. О. Морозову // Там же. С. 316–332; Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М., 2012. С. 282–311; Орлицкий Ю. Б. Гейне, Блок и Виктор Коломийцов // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2020. [Т. 6]. С. 251–307, и др.

⁹ Ср.: «...для нас с Р. В. (Ивановым-Разумником. — А. С., Я. Ч.) Блок слишком близок, чтобы о нем устраивали мы словесные поминки. Р. В. сказал мне: „Предоставим «Домам Искусства»,

не стоял. А. Л. Волинский, М. Л. Лозинский и Е. И. Замятин непосредственно участвовали в похоронах Блока, 10 августа выносили гроб с его телом с Офицерской улицы (ныне — ул. Декабристов, 57).¹⁰

На заседании 12 августа — первом после смерти Блока — было решено «ближайшее очередное заседание, имеющее состояться в пятницу, 26 августа в 4 ч<аса> дня, посвятить исключительно памяти скончавшегося Члена Коллегии А. А. Блока. Предложить А. Белому, Иванову-Разумнику, В. А. Зоргенфрею и сотрудникам Издательства принять участие в заседании».¹¹ Однако Белый и Иванов-Разумник от участия отказались: «26 августа в 20-ый день состоялась панихида с речами о Блоке во „Всемирной литературе“; были лишь члены Коллегии, а из приглашенных со стороны лишь я да Иванов-Разумник. Мы — не были», — записал Белый.¹² Позднее он узнал некоторые содержательные подробности: «Голлербах сегодня рассказывал мне о поминовении в пятницу во „Всемирной литературе“. Говорили короткие и очень прочувствованные речи: очень будто бы хорошо сказал Лозинский; интимно Алянский, который подчеркнул, что Саша хотел умереть: в разговоре с Чулковым в Москве он спросил Чулкова, хочет ли он умереть. Чулков что-то ответил, а он сказал: „А я вот — хочу!“ Волинский упоминал о своих разговорах с Блоком о 12-ти: между прочим, Волинский указывал Блоку на композиционные дефекты в рисунке 12-ти. Блок отчасти соглашался. Другой раз они говорили о Христе; тут Блок, покраснев, довольно решительно перебил Волинского: „Не будем говорить о Христе“».¹³

Эта запись долгое время оставалась для исследователей важнейшим источником сведений о прошедшей в издательстве встрече.¹⁴ Протокол заседания, помещенный в 4-м томе «блоковского» Литературного наследства, позволял уточнить имена присутствовавших и выступавших, но не отражал содержания произнесенных речей. Публикатор Н. И. Дикишина подчеркивала, что «сохранившиеся в Архиве А. М. Горького протоколы (а сохранились не все) заседаний Секции исторических картин и редколлегии „Всемирной литературы“ (см. фонд А. Н. Тихонова, оп. 2) отличаются крайней скупостью изложения».¹⁵ Однако в Архиве Горького ИМЛИ РАН отложились не только протоколы, содержащие лаконичное перечисление обсуждаемых вопросов и принятых решений, но — в ряде случаев — и стенограммы, в которых зафиксированы реплики выступавших.

Обнаруженная стенограмма (см. Приложение) заседания памяти Блока существенно дополняет сведения о прошедшем во «Всемирной литературе» «поминовении», раскрывая перед исследователями атмосферу встречи и содержание разговоров о Блоке в первые недели после его смерти.

Помимо названных Э. Ф. Голлербахом М. Л. Лозинского, С. М. Алянского и А. Л. Волинского, на заседании выступали члены редакционной коллегии «Всемирной литературы» Е. М. Браудо и Н. О. Лернер, а также сотрудничавшие с издательством и разными нитями связанные с Блоком поэты В. А. Пяст, В. А. Зоргенфрей, Вс. А. Рождественский. Кроме того, присутствовали, но не подавали реплик Б. П. Сильверсван¹⁶ (на тот момент заведующий Немецким отделом издательства),

«Домам литераторов» чествовать Блока публично: «Вольфиле» он слишком близок, чтобы и она вошла просто в ранжир официальных панихидных заседаний...» (Белый А. Дневники. К материалам о Блоке // Андрей Белый о Блоке. С. 449).

¹⁰ См.: Там же. С. 453.

¹¹ АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 54. [Л. 1]. Опубл.: Дикишина Н. И. Из материалов Архива А. М. Горького // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 269.

¹² Белый А. Дневники. К материалам о Блоке. С. 460.

¹³ Там же. С. 461.

¹⁴ Краткое сообщение о прошедшем заседании было помещено в берлинской газете: Р. Памяти Блока. Литературная хроника // Новый мир (Берлин). 1921. 10 сент. № 187. С. 6.

¹⁵ Дикишина Н. И. Из материалов Архива А. М. Горького. С. 269.

¹⁶ О нем см.: Иванова Е. В., Жуховицкая Л. Г. Письма Б. П. Сильверсвана М. Горькому (по материалам Архива А. М. Горького ИМЛИ РАН) // Учен. зап. Новгородского гос. ун-та. 2022. № 6 (45). С. 720–726.

переводчица А. В. Ганзен¹⁷ и представители Восточного отдела — синолог В. М. Алексеев¹⁸ и арабист И. Ю. Крачковский.¹⁹ Неизвестно, был ли среди гостей сам Голлербах, давший достаточно точные характеристики речам участников, или же он знал о заседании с чужих слов. Так или иначе, в своей статье 1923 года, посвященной Блоку, Голлербах почти дословно воспроизводит некоторые реплики Алянского (см. прим. 16 в Приложении).

Смерть Блока была не единственным трагическим событием этого времени, напрямую задевшим редколлегию «Всемирной литературы». В начале августа 1921 года был арестован Н. С. Гумилев,²⁰ затем М. Л. Лозинский;²¹ собравшиеся в стенах издательства литераторы участвовали в хлопотах по освобождению своих коллег. И хотя присутствующим, вероятно, еще не было известно о расстреле Гумилева, в выражениях «темный фон <...> жизни», «мрак впереди», «надвигающийся, все застилающий мрак», «черный ветер», прозвучавших из разных уст на «блоковском» заседании, прорывается не только отношение к судьбе Блока, но общее чувство, овладевшее литературным миром в августе 1921 года.

В самом течении вечера чувствуется некоторое напряжение: людям, по-настоящему близким Блоку, слова даются трудно. Зоргенфрей просто отказывается говорить, а выступление Алянского становится возможным только благодаря вопросам председателя. Неудивительно, что тема «немоты», появившаяся во вступительном слове Волынского («Литература нема в настоящее время»), звучит и в последующих его репликах — уже в применении к происходящему: «Ощущается ненужность торжественных докладов и потому-то не говорится вообще. <...> Хочется поэтому тихо помолчать о Блоке, с пиететом, с бьющимся сердцем, помолчать и подумать о нем в словесной немоте». Тем не менее сам Волынский не теряет своего ораторского дара, львиная доля текста в публикуемом документе принадлежит именно ему, и именно его усилиями «движется» заседание.

Среди легенд и слухов, окруживших имя Блока, немалое место занимали домыслы о причинах смерти поэта и разговоры о его сумасшествии. Призывая «близких к Александру Александровичу людей» поделиться «сведениями о последних днях его жизни», председатель пытается выяснить правдивость этих слухов («В самом ли деле он умучен условиями тяжелого быта наших дней? Умер ли Блок с отчетливой мыслью, с ясным представлением окружающего и в каких настроениях?»), однако его вопросы встречены «глубоким молчанием». С одной стороны, они могли показаться нескромными и не слишком соответствующими моменту; с другой — ответить на них не с чужих слов мог только Алянский — единственный человек, которому было позволено

¹⁷ Анна Васильевна Ганзен для «Всемирной литературы» переводила произведения и писала предисловия к книгам датских и шведских авторов: Х. Бергстедта, Г. Гейерстама, Л. Нордстрема, Й. В. Йенсена.

¹⁸ О деятельности Алексеева во «Всемирной литературе» см.: Баньковская М. В. Друзья и недруги Ляо Чжая // Пу Сун-лин. Станные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и). СПб., 2000. С. 726–770; Рифтин Б. Л. Новеллы Пу Сун-лина (Ляо Чжая) в переводах академиков В. М. Алексеева // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика. М., 2008. С. 113–203; Чечнёв Я. Д. Конфуций во «Всемирной литературе». Доклад В. М. Алексеева о китайском философе в 1921 году (по материалам Архива А. М. Горького ИМЛИ РАН) // Литературный факт. 2022. № 24. С. 230–249.

¹⁹ О его деятельности в горьковском издательстве см.: Долинина А. А. Легендарная «Всемирная» // Долинина А. А. Невольник долга: биография И. Ю. Крачковского. СПб., 1994. С. 172–194.

²⁰ Гумилев был арестован 3 августа, расстрелян в ночь с 25 на 26 августа. Сообщение о расстреле появилось в «Правде» 1 сентября. На следующем после «блоковского» заседании (2 сентября 1921 года) сотрудники «Всемирной литературы» почтили вставанием память Н. С. Гумилева (АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 57. [Л. 1]).

²¹ М. Л. Лозинский был арестован 5 августа. О его аресте и причинах освобождения см.: Любимова М. Ю. М. Л. Лозинский и Е. И. Замятин. Новые штрихи к биографиям // История отечественной культуры в архивных документах: сб. статей. СПб., 2021. Вып. 2. С. 185–186, 198–199; Жуховицкая Л. Г. Неизвестное письмо А. И. Браудо к М. Горькому об аресте М. Л. Лозинского в августе 1921 года // Русская литература. 2023. № 1. С. 78–82.

навещать Блока в последние месяцы его жизни. Естественно, что именно с Самуилом Мироновичем строится диалог председателя.

Одной из важных тем заседания становится отношение Блока к поэме «Двенадцать». И Волынский, и Лернер, вспоминая свои разговоры с Блоком о поэме, как будто продолжают внутренний спор с ним (первый — о христианстве, второй — о культуре). Разговор о произведениях, написанных «на волне „январских восторгов“»,²² неминуемо приводит к репликам о поэте и политике. При этом оба оратора — в соответствии со своими убеждениями — делают акцент на постепенном изменении его позиции по отношению к происходящим в России событиям: «Все давало чувствовать, что это уже не тот Блок, который написал поэму „Двенадцать“» (Волынский); «В душе его уже начинало жить, по-видимому, сознание некоторой сделанной ошибки» (Лернер). Вероятно, именно на этом заседании «Всемирной литературы» Алянский впервые публично сообщил о существовании «Записки о „Двенадцати“» и кратко раскрыл ее содержание.

Вместе с дневниками и письмами современников обнаруженная стенограмма дает представление о реакции петербургского литературного мира на смерть поэта. В нее вкраплены темы, которые, преобразуясь и обрастая легендами, окажутся составляющими «мифа о Блоке» — как популярного в эмиграции (смерть от тяжелых бытовых условий, сумасшествие, отречение от «Двенадцати»), так и признанного в Советском Союзе (верность родине, нежелание покидать страну, неприятие «формализма» в поэзии).

Выступления некоторых участников заседания были позднее дополнены и опубликованы; высказывания других так и не обрели печатного воплощения. Переданные Волынским и Лернером разговоры с Блоком о «Двенадцати», краткая, но цельная и лиричная характеристика пути поэта, данная М. Л. Лозинским, воспоминание Е. М. Браудо о последней встрече с Блоком впервые становятся достоянием историков литературы.

В Приложении публикуется стенограмма заседания редакционной коллегии «Всемирной литературы», состоявшегося 26 августа 1921 года и целиком посвященного памяти А. А. Блока. Текст печатается по машинописи, отложившейся в фонде А. Н. Тихонова Архива А. М. Горького ИМЛИ РАН (АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 56). Орфография и пунктуация приведены к современной норме, сохранены индивидуальные особенности написания, без оговорки исправлены ошибки в инициалах С. М. Алянского (в машинописи — С. Г.).

Мы благодарим М. А. Ариас-Вихиль и М. Ю. Любимову за ценные комментарии и уточнения при подготовке настоящей статьи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Заседание редакционной коллегии «Всемирной литературы», посвященное памяти А. А. Блока (присутствуют гости).

Председатель Собрания — А. Л. ВОЛЫНСКИЙ.

ВОЛЫНСКИЙ. Господа, объявляю заседание открытым. Позвольте Вас просить почтить память рыцарски благородного человека, выдающегося по таланту поэта, Александра Александровича БЛОКА вставанием. (Все встают. После нескольких секунд глубокого молчания А. Л. ВОЛЫНСКИЙ, стоя, продолжает:)

Литература нема в настоящее время. Она молча несет в себе святое семя, которое даст новый побег только в условиях будущего времени. Скажу же видоизмененными словами священных писаний, более прекрасными, чем литература. Во блаженном

²² Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни. С. 197.

успении вечный покой. Пребывающая причина мира, Господи, сотвори нетленную славу новопреставленному Александру, среди современных скорбящих поколений и ликующих поколений будущего исторического момента, который уже грядет.¹

(Садится. Несколько мгновений общее молчание. Затем продолжает:)

Близкие к Александру Александровичу люди не пожелают ли поделиться с нами сведениями о последних днях его жизни? В самом ли деле он умучен условиями тяжелого быта наших дней? Умер ли Блок с отчетливой мыслью, с ясным представлением окружающего и в каких настроениях? Для нас всех, его сотоварищей по редакционной коллегии «Всемирной Литературы», краткий рассказ обо всем этом представил бы исключительный интерес, особенно в настоящую минуту. Не время теперь начать беседу о поэтическом таланте Блока. Для этого потребовались бы критические статьи, философские рассуждения, в которых, однако, не всегда может отразиться интимное чувство, владеющее нами ощущение момента. В беседе чисто литературной отпало бы все самое существенное, тревожное и важное, документы эпохи, страх и скорбь окружающих, страдание удушенного человека, — весь мартиролог последних дней Александра Александровича, который должен быть зафиксирован среди печальных памятников наших дней на вечные времена. Легенда уже растет вокруг имени Блока. Но нам нужны факты и правда. Правда же, в конце концов, может оказаться значительнее и даже фантастичнее легенды. Пусть говорят близкие к покойному люди.

(В Коллегии глубокое молчание. Никто еще не решается нарушить его. А. Л. ВОЛЫНСКИЙ, обращаясь к одному из членов Коллегии, Е. М. БРАУДО:²)

Евгений Максимович, может быть Вы, в таком случае, нам что-нибудь скажете.

БРАУДО. К сожалению, за последний месяц я не видел Александра Александровича Блока. Насколько мне известно, доступ к нему был открыт не для всех.³ Но и со стороны было понятно, что вопрос об условиях жизни был для него вопросом трагическим. Как раз перед тем, как Блок заболел, я имел с ним короткую беседу. Никогда она не изгладится из моей памяти. Она происходила около «Дома Искусств», в сырой весенний день. «Как выйти из того тяжелого положения, в каком мы очутились», — спрашивал я Александра Александровича. «Что предпринять для будущего и как, вообще, представить себе это будущее?» Настроение Блока поразило меня своей неожиданностью. В словах его ответа сказывалась любовь к России, даже России настоящей минуты — искаженной, потерявшей свой облик. Я говорил ему о том, что следует спасать свой талант, уехать куда-нибудь за границу. Необходимо предотвратить болезнь. Но Блок смотрел на этот вопрос скептически. Покинуть Россию было для него тяжело.⁴ Кто-то сравнивал смерть Блока со смертью Гоголя. Но мне кажется, что ужасная смерть его является гармоническим в своем роде завершением скорбной жизни последнего времени. Это минор, неожиданно закончивший симфонию его бытия. Говорят, что разрешение выехать за границу Блок получил чуть ли не в день своей смерти.⁵ Но этого отъезда Блока отсюда я себе, откровенно говоря, не представляю. Мои сведения о поэте имеют, однако, лишь фрагментарный характер. Личные же мои отношения с ним за последние два года ограничивались интересами, связывавшими нас обоих с «Всемирною Литературою», главным образом по немецкому ее отделу. Он редактировал Гейне и Вагнера, редактировал с исключительной тщательностью, с беспримерной любовью. Чувствовалось, что Блок вносит в работу горение писательской души своей, преданность литературе. Мне, музыканту по образованию, бросалась в глаза удивительная чуткость Блока к темам звуковой поэзии. Вагнера он знал превосходно.

Прошу извинения. Я говорю без подготовки. Но я не мог не откликнуться на призыв нашего Председателя сказать о Блоке то, что помнится, что запомнилось навсегда. Вот кресло, в котором сидел поэт, среди нас, в этой зале. Кажется, я вижу его самого, светлую фигуру его на темном фоне нашей теперешней жизни.

ВОЛЫНСКИЙ. Нет ли дополнительных каких-нибудь рассказов среди присутствующих? О последних днях Блока мог бы нам поведать С. М. АЛЯНСКИЙ.⁶

АЛЯНСКИЙ. Аким Львович, к сожалению, я ничего не могу сказать. Все перепуталось в голове, и цельной картины последних дней жизни Александра Александровича я дать не в силах.⁷

ВОЛЫНСКИЙ. Но в таком случае, может быть, Вы не откажетесь ответить на некоторые вопросы. Мучительно хотелось бы знать, замечалось ли у Александра Александровича за последнее время некоторое помутнение сознания, или же разговоры на эту тему, циркулирующие в Петрограде, не больше как вымысел.⁸

АЛЯНСКИЙ. Помутнение сознания было безусловно, но частичное. Временами бывали просветы, впрочем, за самые последние дни все реже и реже.

ВОЛЫНСКИЙ. В чем же именно выражалось это помутнение?

АЛЯНСКИЙ. Выражалось оно в разных формах. Он составлял какой-то фантастический каталог. Уже лежа в постели, он занимался приведением в порядок своей библиотеки. Он очищал ее от ненужного. Отдельные книги продавал, чтобы можно было лечиться. Я лично в такие минуты не видал его. Мне об этом рассказывала жена Блока, Любовь Дмитриевна, которую приходилось видеть довольно часто.⁹

ВОЛЫНСКИЙ. Не было ли разговоров о литературе, хотя бы случайных и отрывочных?

АЛЯНСКИЙ. Блок не мог сосредоточиться. Доктору он жаловался, что трагедия его в том, что он не может довести до конца ни одной мысли.¹⁰ Бывали моменты, когда ему рассказывали о событиях внешних — газет он сам не читал. Сначала как будто заинтересуется, а потом проявлял совершенное равнодушие. Видно было, что он не слушал, что слова до него не доходят. А потом вдруг опять спросит....

ВОЛЫНСКИЙ. Не знаю, удобно ли сейчас задать еще один вопрос. Он у меня в мыслях. На ответе же я не настаиваю, если трудно быть откровенным в минуты тяжелых воспоминаний. Каково было материальное положение Александра Александровича? Как обстояло дело с хлебным пайком? Имел ли он все крайне необходимое?¹¹

АЛЯНСКИЙ. В конце концов он имел все. Другой вопрос — каким путем добывалось необходимое продовольствие. Оно добывалось через продажу разных вещей и книг. С одной стороны, необходимо было переехать на новую квартиру, а с другой — просто нужны были деньги, чтобы питаться.¹² Питание же само по себе должно было быть особенное. Ни от кого он ничего не получал сверх того, что получают все, не считая авторского гонорара. Но прокормить его гонорар не мог.

ВОЛЫНСКИЙ. Авторский гонорар поступал ли к Блоку только отсюда, из «Всемирной Литературы»?

АЛЯНСКИЙ. Нет, он поступал также и из Издательства «Альконост».¹³

ВОЛЫНСКИЙ. Еще вопрос. Знал ли Блок, что идут хлопоты, довольно энергичные, о разрешении ему выехать за границу?¹⁴

АЛЯНСКИЙ. Знал, но относился к этому делу чрезвычайно скептически. Сначала он решил отказаться от заграничного паспорта. Но после настояний врача все же подписал анкету.¹⁵ Когда же получилось словесное разрешение на выезд, он проявил полную апатию, заявил даже, что вопрос этот его окончательно не интересует. Блок был убежден, что скоро умрет.

ВОЛЫНСКИЙ. О смерти он говорил?

АЛЯНСКИЙ. За последний год он все время говорил о смерти.

ВОЛЫНСКИЙ. Не осталось ли в памяти Вашей каких-нибудь, хотя бы отрывочных слов Блока на эту тему?

АЛЯНСКИЙ. Я убежден, что Блок умер от того, что хотел умереть, что не хотел жить. В Москве, когда он в последний раз там был, Блок встретился как-то в Союзе Писателей с Г. И. ЧУЛКОВЫМ¹⁶ и задал ему вопрос: «Георгий Иванович, Вы хотели бы умереть?» Чулков говорил о каких-то своих работах. Блоку это было скучно, и он прервал его рассказ. Чулков замаялся, и я не помню, что ответил он на вопрос Александра Александровича. Блок же сказал отрывисто и внятно: «А я хочу».¹⁷ Правда, он уже тогда был болен. Из Петрограда он выехал в первый день Пасхи. Это был как раз тот самый день, когда болезнь его обозначилась серьезно. Затем, по возвращении из Москвы, он уже систематически и сознательно готовился к смерти. Отдавал распоряжения, приводил все в порядок. Все записывал. Впечатление получалось такое, что он уходит куда-то от всех окружающих. Отчего Блок хотел умереть — об этом у меня имеются кое-какие соображения. Но говорить сейчас на эту тему трудно. Одно лишь могу

сказать с уверенностью: наша действительность угнетала его ужасно.¹⁸ Пугал и мрак впереди.

ВОЛЫНСКИЙ. Вам трудно говорить, я это понимаю. Но не легко и спрашивать, задавать вопросы. Однако Вы сообщили нам много ценного. Это те самые документы из последних дней жизни Блока, которых мы ищем. Они рисуют нам обстановку смерти его превосходно. Освещение же далось Вам как-то само собой. Оно отлилось в осторожные и чуткие слова. Но как жаль, что фактов все же сравнительно мало. Их жадно хотелось бы собрать побольше. Очевидно, знакомые Блока стесняются говорить. Ощущается ненужность торжественных докладов и потому-то не говорится вообще. Воспоминаниями же делиться чрезвычайно трудно, особенно когда хочется самому уйти в сторону, ступешаваться и исчезнуть, чтобы дать рельефно выразиться и выступить умершему человеку — такому особенному человеку, каким был в данном случае для нас Александр Александрович Блок. Мне лично тоже необходимо кое-что рассказать. Один эпизод моей беседы с Блоком врезался мне в память с удивительной четкостью. Помню не только отдельные слова его. Вижу со всей ясностью короткий конвульсивный жест и экспрессию лица, убаженную женственно страдальческой улыбкой. Превосходная улыбка, не сходявшая с лица его во все время разговора, беспыльно чистая и тонкая. У меня давно завелся с ним принципиальный спор на тему о «Двенадцати». Было это в редакции «Всемирной Литературы», еще на Невском проспекте,¹⁹ в одном из уголочков обширного помещения. Со всею возможною резкостью я сказал Блоку, что считаю рисунок поэмы, ее стилистическую раму, литературную фальшь. Почему именно двенадцать? Непременно двенадцать — очевидно, по числу евангельских апостолов. Цифра эта какая-то каноническая и кажется здесь плодом аффектации, вообще говоря, несвойственной его поэтическому письму. Затем этот Христос впереди толпы, идущей на демонскую борьбу, на революционный дебош. Хотя и брошенный туманным очерком в странную обстановку — едва приметно, почти несомно — Христос все же наступает как-то слишком парадно. Пастырю было бы приличнее идти позади. Наконец, что общего нашел поэт между людьми, ведущими дьявольскую войну с окружающим бытом, с тем, что создано культурой веков, святыми усилиями прошлых поколений, и апостолами евангельских рассказов, никого не терзавшими никогда, не пролившими ни единой капли чужой крови, но шедшими всегда с гордым спокойствием на смерть? В таких приблизительно выражениях, быть может, несколько приподнятых тоном полемики, я выставлял вопросы на обсуждение. Мысль моя была проста, ясна в своей основе: кругом нас нет ни Христа, ни апостолов. Перед глазами встают совсем другие явления, и окраска их, как ни углубляй вопроса, какую бы философию ни подводить под него, отнюдь не религиозная, не метафизическая в отвлеченном смысле слова. Если тут и есть какая-то мистика, то это мистика звериного, а не человеческого типа. Помню ответ Александра Александровича Блока. По вопросу о Христе он говорил с видом полной убежденности. Прошу не забывать, я имею в виду первый наш разговор в редакции «Всемирной Литературы», в помещении ее на Невском проспекте. Для него дело тут не в моральной оценке происходящих событий. «Антигуманизм, — говорил Блок, — тоже может оказаться источником добра».²⁰ Я подсказал ему мысль из ходкой в недавнее еще время, шумной фразеологии Ницше о равнозначности Христа и Антихриста.²¹ «Да, — подхватил Александр Александрович, — Христос и Антихрист для меня на одной высоте». Блок не приводил аргументов. Слышалось в тоне беседы, в оттенках его голоса, в резком звучании реплик — коротких, почти односложных, что душа его в самом деле скользит по краю бездны, на большой высоте, и соприкасается там со стихией вечных истин, в которых оказываются стертыми наши разграничения всевозможных родов и сортов. Собственных моих аргументов я в ту минуту тоже не напрягал и не развивал до конца. Но через некоторое время мы опять вернулись к нашей теме. Я настаивал на том, что нет сходства между политико-социальной революцией наших дней, имеющей характер движения народных масс, в пустоте и темноте, и революцией времени Христа, прошедшей к свету большой мысли, обновленной концепции мира. Совсем другие лозунги. Принципы противоположные. Там Сын, на почве Духа, ратоборствует во имя Отца. Тут же

от великой триады христианства не осталось ничего. Ни единой черты. Ни Отца: полное отрицание истории, ни Сына, который не может не быть братом окружающих, ни Духа Святого: вместо него дух рассудочных построений, слабых по существу своему, но изъятых от всякой критики. В серьезный анализ предмета я не вдавался тогда. Не вдаюсь и сейчас. Но показалось мне в ту минуту, что Блок отступает, медленно собирается с новыми силами, что-то стал колебать и расшатывать в самом себе. Помнится, что однажды он, при шутливо-полемическом моем упоминании о поэме, полуулыбаясь сказал: «Ну, да ведь я не очень-то стою за нее». Кажется, не мне одному он говорил эту фразу на протяжении последнего года. Имею при этом в виду возобновлявшиеся между нами иногда разговоры в новом помещении «Всемирной Литературы».²² Во всяком случае, было ясно, что человек меняется, что в нем колеблются прежние внутренние святыни. Мережковский перед отъездом заметил это и подчеркнул в разговоре со мной. Иногда я пробовал возвращать Блока к нашему спору. Но делал я это с величайшей осторожностью, как можно деликатнее. Ведь это был поэт, которого я любил крепче других современных стихотворцев. На собраниях Коллегии «Всемирной Литературы» я иногда испытывал по отношению к нему истинное восхищение. Отбрасываю мелочи. Не хочу вспоминать пустяков. Но вот однажды, на Моховой, в самое последнее время, мы как-то остановились друг против друга, наверху лестницы, у самых дверей. Политические события разыгрывались тогда в Петрограде с чудовищной яркостью.²³ «Вы все-таки считаете, — спросил я Блока, — что Христос впереди толпы?» Он сделал жест, которого я не могу забыть. «О Христе не говорите, Аким Львович, не говорите».²⁴ Правая рука его, простертая вперед, как бы отмахивающаяся тяжелое видение, нервно трепетала. Смысл жеста был для меня ясен. Все давало чувствовать, что это уже не тот Блок, который написал поэму «Двенадцать». Таланту его открывались, быть может, новые пути творчества. Это был мой последний разговор с А. А. Блоком об его поэме, хотя не последний разговор вообще. Вот, что я считал своим долгом рассказать в кратких словах.

АЛЯНСКИЙ. Относительно «Двенадцати» я хотел бы добавить следующее. После смерти Блока мы нашли листок бумаги, исписанный карандашом, помеченный 1 Апреля 1920 года. Там он рассказывает о том, что такое для него эта поэма. Записка будет напечатана в скором времени.²⁵ В ней говорится, что «Двенадцать» есть произведение искусства, но что там имеется одна капля политики, которая может отравить всю поэму. Тогда она погибнет.

ВОЛЫНСКИЙ. Чрезвычайно интересно. В словах Блока, что капля политики может отравить значение всей его поэмы, нет ли отголоска наших с ним споров? «Мы мировой пожар раздуем» — эта кричащая фраза, несомненно политической окраски, играла роль в наших спорах. Она внесена извне в стихотворное произведение Блока. Конечно, все пережито Блоком глубоко. Но в Вашем рассказе мне послышалось нечто знакомое.

АЛЯНСКИЙ. В записке говорится, что сейчас он не мог бы уже написать такой поэмы, но что отказываться от нее ему все же не приходится.

ВОЛЫНСКИЙ. Блока тревожила мысль, что политический элемент может отравить его произведение. Это утешительно. Я знаю ценность его таланта. Но все же должен сказать откровенно, что — увы, поэма его действительно отравлена политикой. Чрезвычайно Вам признателен за Ваше сообщение. Оно превосходно.

(После нескольких секунд молчания, **ВОЛЫНСКИЙ** обращается к В. А. Пясту:²⁶) Владимир Алексеевич, не расскажете ли Вы нам что-нибудь?

В. А. ПЯСТ. Я могу сказать, что о последних днях Александра Александровича Блока мне известно, конечно, не более, чем Самуилу Григорьевичу <так!> Алянскому. После его приезда из Москвы я не видел Блока ни разу. Посещения посторонних людей были ему тяжелы. Но мне известно, что близкий друг его, которому посвящено не одно стихотворение Блока, **Е. П. ИВАНОВ**,²⁷ имел возможность видеть его: Любовь Дмитриевна попробовала в виде опыта допустить его к больному. Евгений Павлович вынес тогда впечатление самое тяжелое.²⁸ Физически он мог бы еще жить, но у Блока не было желания продолжать свое земное существование. Александр Александрович

был приветлив, радовался некоторым событиям, главным образом, интимного характера, происшедшим за последние дни. «На свете все-таки случается кое-что хорошее», — говорил он Иванову. Однако приход друга отозвался ухудшением на здоровье Блока. Доктор же вообще предписывал ему полный покой. В последнее время, когда Блоку стало особенно худо и уже можно было предвидеть конец, была выписана его мать.²⁹ По какой-то счастливой игре судьбы, именно в тот день, когда приехала Александра Андреевна, Блоку стало лучше. Он узнал мать, имел еще возможность поговорить с ней. Затем началась агония, тянувшаяся четыре дня.

ВОЛЫНСКИЙ (обращаясь к М. Л. Лозинскому). Может быть и Вы, Михаил Леонидович, скажете нам что-нибудь о Блоке.

ЛОЗИНСКИЙ. Аким Львович, к сожалению, я почти ничего не могу сказать. Александра Александровича я в последнее время встречал редко, мало и случайно. Знаю же я его очень давно. Мое первое воспоминание о Блоке совсем особенное. Тогда еще это был Сашура Блок в костюме не то Пьеро, не то Мага.³⁰ Он показывал нам, его первым знакомым, какие-то фокусы и говорил велеречивые речи о тайнах своего магического искусства. Он произвел на меня, тогда еще совсем малыша, очень сильное впечатление. Казалось, что ему открыты какие-то тайны, нам, простым мальчикам, недоступные. В течение ряда дальнейших лет я встречался с Блоком, но не могу назвать себя близким ему человеком. Хотя я и очень любил его, но все же посещал его довольно редко. Какое-то целомудрие удерживало меня от частых встреч с ним. Что же можно сказать в немногих словах об Александре Александровиче? Поистине он был создан из той чистой земли, из которой создаются подлинные поэты. Он был именно поэт, исключительно поэт. Все он воспринимал как поэт. Свой поэтический дар он использовал и для себя, и для нас до конца. Как всякий поэт, он сознавал, что его долг прежде всего — слушать, прислушиваться ко всему, что происходит кругом нас, вслушиваться в ход тех выше нас лежащих и вне нас протекающих космических событий, которыми мы окружены и которые в земных формах находят только тусклое, бледное отражение. В событиях этих совершается внутренняя борьба, происходит столкновение разных судеб и разных течений. Каждый большой поэт следит за этими событиями и откликается всего созвучнее на те из них, которые ему по природе сродни. Блок сознавал этот лежащий на нем долг прежде всего: слушать и вслушиваться. Слушал же он на большой высоте, на страшной высоте. Те судьбы, которые мимо него протекали, были судьбы страшные. Начав с всевидения озареннейших дней, он — возрастая, мудрея, мужая, — чувствовал надвигающийся, все застилающий мрак.³¹ Впервые приближение черного ветра, который он так неожиданно для многих и даже для себя самого уловил, было приближением того жуткого и темного порыва, который охватил нас всех, прочитавших его книгу «Ночные часы».³² С тех пор ему навстречу шла темнота все большая и большая. Ночь надвигалась на него. Наконец, последний ужасный порыв черного ветра был настолько силен, что загасил его самого. С огромным мужеством, с мужеством отчаяния, Блок выполнил свою задачу. Последний удар он встретил героически. Все безнадежнее и безнадежнее становилась его жизнь, когда-то полная одних надежд.

ВОЛЫНСКИЙ (обращаясь к Н. О. ЛЕРНЕРУ³³). Николай Осипович, Вы предполагали сделать в Коллегии сообщение о публицистических произведениях Блока.

ЛЕРНЕР. Содержание это, я думаю, не может быть предметом настоящей интимной беседы. Оно содержит те сведения, которые я предполагаю вставить в специальную статью. Но я позволю себе дополнить Ваши воспоминания о Блоке в связи с поэмою «Двенадцать». Когда поэма эта появилась, она фразировала всех читателей. Представители господствующих ныне классов были польщены, что самый крупный современный поэт как бы благословил большевистскую политику, да еще благословил дорогим именем — именем Христа. Многие ужаснулись: разбойников ведет Христос. Куда Христос ведет их, Блок не сказал, вероятно потому, что ему самому это было не ясно. Мне часто приходилось беседовать с ним на эту тему, и на меня объяснения Блока производили впечатление не уклончивости, а неясности, которая вообще ему была свойственна. Ведь вся поэзия Блока — поэзия неясных ощущений, недомолвок,

намеков. Несколько месяцев тому назад мы вместе получали в «Доме Ученых» какой-то недоданный нам хлеб. Получивши по куску хлеба, мы вышли в коридор. Видимо, Блок был голоден. Он закусил и сказал: «А все-таки я верю, что впереди русской революции идет Христос». По моей дурной привычке, я ответил шуткой. От спора я уклонился, но закушенный первым русским поэтом ломоть советской кислятины подтвердил мне глубокую искренность Блока. Мне стало понятно, что такой человек никогда не может лгать. Это мое последнее воспоминание о Блоке. Блок умер от болезни довольно странной, и я разделяю общий интерес к последним дням его жизни. Смерть Блока похожа в самом деле на смерть Гоголя, не только по общеисторическим условиям глухого безвременья, но и по самому ее характеру.³⁴ Блок умер от болезни сердца. Невольно вспоминается при этом смерть другого нашего писателя, Леонида Андреева.³⁵ Бывают эпохи, когда честные сердца не выдерживают, разбиваются. Так разбилось и сердце Блока. Он смотрел на жизнь с высоты. Мало разбирался он в политике. В политике Блок был, как и подобает истинному поэту, малое дитя. Политика им пользовалась, ею же править он не мог. В душе его уже начинало жить, по-видимому, сознание некоторой сделанной ошибки. Она была сделана не столько в «Двенадцати», сколько в не менее шумевшей вещи, напечатанной в «Скифах».³⁶ На смену одряхлевшей Европы, казалось Блоку, идут скифы, вся сила которых лишь в том, что у них нет никаких традиций. Это дает им возможность и даже право стереть с лица земли все старое зло. Но проходили годы. Русская Революция сделалась, можно сказать, нормой русской жизни, бытовым явлением. Она перестала быть революцией, а стала как бы службой, на которую пошел целый народ. Русская Революция стала необыкновенно прозаичною. А скелет Европы, которому Блок предвещал хрустеть в скифских лапах, не хрустит до сих пор.³⁷ В культурной Европе скифы оказываются побежденными, так и душе Блока в Скифии нечего было делать. Из Скифии бегут. Одни бегут на всепримиряющий и всеобъясняющий Запад, другие бегут в небытие. Туда бежал и Блок. Я думаю, что разочарование в Скифии ускорило его смерть.

ВОЛЫНСКИЙ (предлагает слово поэту Зоргенфрею³⁸).

ЗОРГЕНФРЕЙ. Свойство моей памяти таково, что мне трудно восстановить сказанные некогда слова. Но я имею все-таки в виду воссоздать когда-нибудь образ Блока.³⁹ Это очень трудно сделать. Что же касается последнего времени, то о нем я мог бы говорить только со слов других.

ВОЛЫНСКИЙ (дает слово поэту В. А. РОЖДЕСТВЕНСКОМУ).

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Я знал Александра Александровича мало, каких-нибудь три года.⁴⁰ Но одно время мне приходилось видаться с ним чуть не каждый день. Это было тогда, когда возникал Союз Поэтов. Союзу этому Блок хотел придать настоящий духовный облик. Сейчас не место вступать с кем-либо в полемику. Но все-таки я считаю необходимым указать на то обстоятельство, что Александр Александрович за последнее время резко отошел от всех дел Союза,⁴¹ и мои теперешние воспоминания относятся еще к тому моменту, когда он стоял в центре всех дел этого учреждения. В частности, вспоминаю все то, что Блок говорил как Председатель и Член Приемной Комиссии. Александр Александрович давал отзывы о стихах.⁴² Он говорил, что ужас современной поэзии в том, что стихи стали самостоятельной целью.⁴³ Это запечатлелось в моей памяти потому, что слова его звучали протестом. Мне думается, что все впечатление от «Седого Утра»⁴⁴ объясняется под этим углом зрения. У Блока была любовь к поэзии и нелюбовь к стихам. Таков его образ. Таков Блок как поэт.

ВОЛЫНСКИЙ. По-видимому, нет сил продолжать дальше эту беседу. Тема волнует нас. Куда легче думать о Блоке, чем говорить. Таковы именно вещи значительные по своему смыслу и содержанию: для внутреннего нашего Я они ясны, но в передаче другим всегда получается нечто бледное, нечто тусклое. Таково, например, время. Для себя самих мы знаем, что оно такое, но не для других. Такова любовь. Таков любимый человек, особенно же любимый поэт. Что мы можем сейчас сказать о Блоке, какую критическую статью мы могли бы вырвать из себя. Тема все же не будет исчерпана, сколько бы мы ни продолжали нашей беседы. Тема эта полна мотивов, сплетающихся с нашей душою в интимнейших ее глубинах. Хочется поэтому тихо помолчать о Блоке,

с пиэтетом, с бьющимся сердцем, помолчать и подумать о нем в словесной немоте. Мои впечатления от сегодняшней нашей беседы, равно как и впечатления от похорон, в высшей степени отрадны. Блока хоронили прекрасно. Была чистая красота в этих похоронах: символ его жизни сиял в солнечном свете. Какой чудесный был день! Настроение толпы вокруг гроба казалось молитвенным. Панихидные напевы были бесподобны. Над всем кругом реяла поэтическая дымка. Не было ничего крикливого, вызывающего, всплесков выше нормы, выше определенной черты. Превосходные, незабвенные похороны! Все делалось и говорилось гармонически. Кажется мне, что такая гармония удается редко.⁴⁵ Был ритуал, проникнутый внутренней прелестью и гипнотизировавший окружающих своими чарами. Так вот и сегодня. Мы говорили недолго. Лично я излагал свои воспоминания с большим внутренним страданием, потому что трудно было отыскать выражения полные и адекватные. Тема уж очень сама по себе поэтическая, вся еще внутренняя. Мы говорили все скромно и тихо, как говорил всегда сам Блок, не поднимая тона, не прибегая к звонким фразам. Хоронили этого человека прекрасно, вспоминали прекрасно, в прекрасной обстановке «Всемирной Литературы», где протекла его деятельность последних лет, деятельность почти ученого редактора и исследователя текстов. Блок приходил здесь в соприкосновение с людьми большой науки и разнообразных знаний. Позвольте же, господа, в последний раз — надеюсь, что это никому не покажется утрировкой — просить Вас почтить память Блока вставанием.

(Все встают. После нескольких секунд глубокого молчания:)

Объявляю заседание закрытым.

¹ Должно быть: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшим рабам Твоим (имярек) и сотвори им вечную память». Волинский модифицирует слова молитвы, цитируя ее буквально в начале своей речи: «Во блаженном успении вечный покой». Далее он обращается к Господу как к причине существования мира и вновь возвращается к словам молитвы, но вместо «сотвори ему вечную память» в его речи звучит «сотвори нетленную славу». Завершается же его речь характерным для 1920-х годов противопоставлением «скорбящего» нынешнего и «ликующего» будущего поколения. Приносим благодарность за это разъяснение Н. В. Рамазановой.

² Историк музыки Евгений Максимович Браудо был членом Коллегии Западного отдела практически с основания горьковского издательства. Впоследствии, после эмиграции Б. П. Сильверсвана, стал заведующим Немецким отделом (с осени 1921 года) и пробыл на этом посту до июня 1924 года. Его сменил В. М. Жирмунский (АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 216. [Л. 1 об.]). С именем Браудо связано издание во «Всемирной литературе» ключевых немецких авторов — И. В. Гете и Э. Т. А. Гофмана, а также сборника статей об экспрессионизме (Экспрессионизм: Сб. статей / Под ред. Е. М. Браудо и Н. Э. Радлова. Пг.; М.: Всемирная литература, 1923). Об авторах-экспрессионистах во «Всемирной литературе» см.: *Течёв Я. Д., Савина А. Д.* «Возвращение к первоначальному смыслу слов и есть задача каждого поэта»: неизвестный отзыв Н. С. Гумилева о поэзии Рене Шикеле // *Вестник Томского гос. ун-та*. 2022. № 475. С. 46–52.

³ Ср.: «В начале болезни к нему (Блоку. — А. С., Я. Ч.) еще кой-кого пускали. У него побывали Е. П. Иванов, Л. А. Дельмас, но эти посещения так утомили больного, что решено было никого больше не принимать, да и сам он никого не хотел видеть. Один С. М. Алянский имел счастливое свойство действовать на Ал. Ал. успокоительно, и потому доктор позволял ему иногда навещать больного. Остальные друзья лишь справлялись о здоровье Ал. Ал.», — писала М. А. Бекетова в первой биографии поэта (цит. по: *Бекетова М. А.* Александр Блок. Биографический очерк // *Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке* / Сост. В. П. Енишерлова и С. С. Лесневского; послесловие А. В. Лаврова; прим. Н. А. Богомолова. М., 1990. С. 196).

⁴ О нежелании Блока эмигрировать свидетельствуют многие мемуаристы. Н. А. Павлович вспоминала: «Он (Блок — А. С., Я. Ч.) говорил мне в одну из очень мрачных своих минут осенью 1920 года, когда речь зашла о Мережковских и других эмигрантах: „Я могу пройти незаметно по любому лесу, слиться с камнем, с травой. Я мог бы бежать. Но я никогда не бросил бы России. Только здесь и жить и умереть“» (*Павлович Н. А. Воспоминания об Александре Блоке* // *Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей»*. М., 1977. № 11. С. 252).

⁵ Разрешение Советского правительства на выезд за границу на лечение Блок получил 23 июля 1921 года. Вопрос осложнялся тем, что Л. Д. Блок, которой предстояло сопровождать поэта, к тому моменту не имела пропуска. 1 августа она обращается к Горькому с просьбой ускорить процесс. 6 августа разрешение для нее было готово, однако потребовались заграничные паспорта, за которыми Е. Ф. Книпович собиралась поехать в Москву 7-го августа. Позвонив

с вокзала Л. Д. Блок, она узнала о смерти поэта (см.: Переписка Ленина и Луначарского. Письма и документы (1917–1922 гг.) // Лит. наследство. 1971. Т. 80. С. 292–294; Дикушина Н. И. Из материалов Архива А. М. Горького. С. 264–268; Об участии А. М. Горького в судьбе Блока в последние дни жизни поэта / Публ. А. М. Крюковой // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 274–277; «Он будет писать стихи против нас». Правда о болезни и смерти Александра Блока / Публ. В. Шепелева и В. Любимова // Источник. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу «Родина». 1995. № 2. С. 33–45).

⁶ Состоявшееся 14 июня 1918 года и отмеченное в записной книжке Блока знакомство с С. М. Алянским быстро переросло в деловые и дружеские отношения. С 1918 года Блок преимущественно печатался в основанном Алянским книгоиздательстве «Алконост». Обращение Волынского вызвано тем, что издатель был единственным посетителем Блока в последние месяцы жизни (см. вступ. статью и прим. 3). О сотрудничестве Блока в «Алконосте» см., например: Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник <I>: Труды науч. конф., посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964. С. 530–538; *От редакции* [Динерштейн Е. А.], Луначарский, Блок и «Алконост» // Вопросы литературы. 1969. № 6. С. 248–249; Белов С. В. Блок и первые послереволюционные издательства («М. и С. Сабашниковы», «Алконост») // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 713–724; Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни. С. 370–379; Федотова С. В. «Мошенником меня еще никто не считал...»: письма С. М. Алянского к Л. Д. Блок (1922–1924) // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 109–151.

⁷ «Цельную картину» С. М. Алянский много позднее дал в мемуарной книге (*Алянский С. М. Встречи с Александром Блоком. М., 1972*).

⁸ О подобных слухах свидетельствует, например, воспоминание В. Ходасевича: «<...> В ночь с 3 на 4 августа 1921 г. (со вторника на среду) был арестован Гумилев, о чем я узнал поутру, а в три часа дня ко мне прибежала поэтесса Надежда Павлович и сообщила, что у Блока началась агония <...> Павлович под строгой тайной сообщила мне, что „Блок сошел с ума“ (ее точное выражение)» (*Ходасевич В. Ф. Три письма Андрея Белого // Современные записки (Париж). 1934. Т. 55. С. 256–257*). Представление о слухах, ходивших в Петрограде, дают и записи Андрея Белого: «Блок, очевидно, в бессознательном состоянии очень страдал: в беспамятстве он все кричал: „Боже мой, Боже мой“ — так громко, что в соседней квартире слышали» (16 августа); «Александра Андреевна (Кублицкая-Пиоттук. — А. С., Я. Ч.) передавала, что когда Блок был уже в забытьи, он вдруг сказал: „А у нас в доме «столько-то» (не помню цифры) социалистических книг; их — сжечь, сжечь!“» (18 августа); «М. В. Сабашникова рассказывала, что Блок незадолго до смерти в бессознательном состоянии все твердил: „Ну вот — начали колоть мебель: вот и поедим!“» (19 августа; *Белый А. Дневники. К материалам о Блоке. С. 453, 456, 457*).

⁹ В своих мемуарах Алянский подробно рассказывает о том, как Блок разбирал книжный шкаф и приводил в порядок архив (*Алянский С. М. Встречи с Александром Блоком. С. 139–152*).

¹⁰ В письме К. И. Чуковскому Е. Ф. Книпович сообщала: «Болезнь развивалась как-то скачками, бывали периоды улучшения, в начале июня стало казаться, что он поправляется. <...> Он не мог уловить и продумать ни одной мысли, а сердце причиняло все время ужасные страдания, он все время задыхался» (*Книпович Е. Ф. Об Александре Блоке: Воспоминания. Дневники. Комментари. М., 1987. С. 60*).

¹¹ Слух о смерти Блока от недоедания (быстро ставший популярным в эмиграции) требовал разъяснений, так как включался в политический контекст, соединяясь с вопросом о том, был ли поэт «сторонником» или «жертвой советского режима» (*Бакунцев А. В. «В газетах — Блок, Блок, Блок...»: Отклик И. А. Бунина на смерть А. А. Блока. С. 105*). С другой стороны, вопросы Волынского связаны с тем, что сам он, как и Блок (по воспоминаниям Ю. Анненкова), был плохим «пай-коловцем» (см.: *Толстая Е. Д. Бедный рыцарь. Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М.; Иерусалим, 2013. С. 428–429*).

¹² В начале июля 1921 года Л. Д. Блок писала А. А. Кублицкой-Пиоттук: «Иногда он (Блок. — А. С., Я. Ч.) ест с удовольствием и много, очень разбирает еду, иногда один бульон, яйца, кисель. Готовится ему все только „по-прежнему“, по „старому режиму“ <...> Булки тоже „настоящие“ из кофейни. <...> денежные дела неважны — много разочарований <...> Платит Алянский, продаем опять книги и хлам, пока хватает совершенно, но нет того избытка, кот<орого> ожидали для переезда на друг<ую> квартиру, устройства там более или менее комфортабельно и т. д. А переезд необходим не только для меня, особенно для Саши: и ближе ко всему, и удобнее дома. <...> из-за денег я и не начинаю уже сейчас поисков квартиры, в которых поможет и Алянский, и другие» (Блок в неизданной переписке и дневниках современников / Публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 527).

¹³ Именно так обозначено название издательства на обложке и титульном листе первой книги «Алконоста» — «Соловьиный сад».

¹⁴ О хлопотах Волынский знал не понаслышке: в июне 1921 года В. И. Ленину было направлено письмо от правления Петроградского отделения Всероссийского союза писателей с просьбой

«безотлагательно выдать А. А. Блоку и его жене разрешение на выезд в Финляндию». Волинский подписал письмо как председатель правления (см.: «Он будет писать стихи против нас». Правда о болезни и смерти Александра Блока. С. 36). О разрешении на выезд активно хлопотали А. М. Горький и А. В. Луначарский (см. библиографию в прим. 5).

¹⁵ Ср. строки из письма Л. Д. Блок Горькому (от 21 июня 1921 года): «Что же касается прошения о выдаче паспорта с опросным листом, который я должна была Вам доставить заполненным Ал. Ал., — его мне не удалось приготовить к сегодняшнему дню. Я натолкнулась на болезненное, происходящее от той глубокой и мучительной полосы неврастения, которая сейчас подавляет Ал. Ал., нежелание ничего предпринимать для своего спасения и неверие в осуществимость его. Тем не менее доктору и мне он обещал, в случае если другие откроют ему возможности выздоровления, — ими воспользоваться. Т. е. если Вы достанете согласие в Москве на его выезд, он сделает все необходимое и выполнит все формальности» (*Дикушина Н. И.* Из материалов Архива А. М. Горького. С. 264). 3 августа анкету заполнила Л. Д. Блок (Там же. С. 267–268). В мемуарах Алянский писал: «О поездке для лечения за границу велись разговоры и раньше, когда Блок был еще на ногах, но Александр Александрович все время решительно отказывался что-нибудь предпринимать для этого. Он не видел большой разницы между эмигрантством, которое ненавидел, и поездкой для лечения. / Теперь, когда состояние Блока ухудшилось и организм его ослаб, ослабло и сопротивление поэта. Теперь он уже соглашался на поездку, но просил только, чтобы это было не дальше Финляндии» (*Алянский С. М.* Встречи с Александром Блоком. С. 146–147).

¹⁶ Блок и Чулков были знакомы с 1904 года. Об истории их непростых взаимоотношений см.: Переписка Г. И. Чулкова с Блоком / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 370–422; *Михайлова М. В.* Пристрастный летописец эпохи // Чулков Г. И. Годы странствий / Вступ. статья, сост. и комм. М. В. Михайловой. М., 1999. С. 13–18.

¹⁷ Ср. запись в дневнике Белого от 20 августа: «Жить он (Блок. — А. С., Я. Ч.) не хотел и, по-видимому, к смерти готовился: что-то записывал и приводил в порядок бумаги; в феврале этого (21-го) года он, показывая какую-то бумажку Книпович, сказал ей: „Видите, готовлюсь к смерти“. В бытность свою в Москве Алянский слышал, как в разговоре с Чулковым он сказал, что ничего не имеет против смерти» (*Белый А.* Дневники. К материалам о Блоке. С. 459). В статье, написанной после ухода Блока из жизни, Г. И. Чулков отмечал: «...в последний раз, когда Александр Александрович был в Москве, мы успели поговорить, и он был открыт, как прежде, как в те года, когда мы были друг другу нечужды» (*Чулков Г. И.* Памяти Александра Александровича Блока // Чулков Г. И. Наши спутники. М., 1922. С. 88). Ни в этих, ни в более поздних воспоминаниях (*Чулков Г. И.* 1) Александр Блок и его время // Письма Александра Блока. Л., 1925; 2) Годы странствий. М., 1930) не отражен приведенный Алянским разговор. Ответы Алянского, по всей видимости, стали одним из источников для статьи Голлербаха, ср.: «Все яснее в нем обозначилась воля к смерти, все слабее становилась воля к жизни. Он избегал говорить о своих настроениях, но иногда они прорывались наружу помимо его воли. Так было однажды, в разговоре с Г. М. (так!) Чулковым, который рассказывал Блоку о своих литературных планах и начинаниях. Блок слушал внимательно, но без всякого интереса, и вдруг прервал рассказчика вопросом: „Георгий Иванович, вы хотели бы умереть?“ Чулков ответил не то „нет“, не то „не знаю“. Блок сказал: „а я очень хочу“. Это „хочу“ было в нем так сильно, что люди, близко наблюдавшие поэта в последние месяцы его жизни, утверждают, что Блок умер оттого, что хотел умереть. Возможность уехать за границу уже не прельщала его. Дадут разрешение или не дадут — стало ему все равно. Мир казался ему страшным... <...> Незадолго до смерти сознание Блока помутилось, он составлял какой-то фантастический каталог своей библиотеки, говорил несвязно и отрывочно» (*Голлербах Э. Ф.* Образ Блока. Воспоминания, впечатления, наброски. С. 294–295).

¹⁸ Ср. с записью Белого от 8 августа: «Что касается трудности для Блока дышать российским воздухом, то, по свидетельству всех лиц, выдавших его за 2½ месяца его болезни, — он говорил, что не мог бы выйти даже на улицы Петрограда: не вынес бы чисто внешнего вида теперешней жизни: так резко в нем обострилось за последние месяцы (и даже более году уже длилось это настроение) отношение к нашей действительности» (*Белый А.* Дневники. К материалам о Блоке. С. 450).

¹⁹ То есть до августа 1919 года. Сначала издательство помещалось в бывшей конторе горьковской «Новой жизни» — на Невском проспекте, 64. Со второй половины августа 1919 года заседания «Всемирной литературы» проводились на Моховой улице, 36.

²⁰ Вероятно, в разговоре звучали отголоски горячих дискуссий, вызванных докладами Блока «Гейне в России» и «Крушение гуманизма», прочитанными на заседаниях соответственно 25 марта и 9 апреля 1919 года. Волинский оказался одним из главных оппонентов Блока, заявившего о «кризисе гуманизма» (подробнее см.: *Иванова Е. В.* Александр Блок: последние годы жизни. С. 293–311).

²¹ Если сопоставлять Христа и Антихриста (хотя напрямую о нем не говорится) из эссе Ницше «Антихристианин. Опыт критики христианства» (первое изд. — СПб., 1907; пер. В. А. Флеровой, под ред. А. Я. Ефименко), то их можно отождествить по следующим пунктам: отрицание

церкви (у Христа иудейской, у Антихриста христианской), «инстинкт ненависти» к реальному миру (Христос рассматривается Ницше как отрицатель и уничтожитель жизни, «нигилист», «декадент», «космополит», «социалист» и «анархист»), преступность Христа (с точки зрения римских законов и иудейской веры) и Антихриста (с точки зрения христианской церкви), любовь ко злу (Христос через непротивление злу и всеобщей заповеди любви тем самым заповедовал и любовь к грешникам, совершающим зло). Вместе с тем Ницше обращает внимание на существование двух Христов, церковного и сконструированного Апостолом Павлом. Первый предстает как аналог Будды, «растворивший» мир и Божественное начало в человеке и ничего не говоривший про личное спасение (он, по Ницше, и сам не личность), второй — вариант «для масс», здесь центральным мотивом христианской проповеди становится мотив мести за несправедливость и мирское неравенство, а также появляется концепт личного спасения «больной» личности и воздаяния за грехи в ином мире. Второй Христос, Христос Павла, содержит в себе антихристианское начало. Таким образом, А. Л. Волюнский, говоря о «шумной фразеологии» Ницше, не учел направленности филиппики немецкого философа на конкретного, павловского, Христа. Приносим благодарность за это разъяснение Я. И. Арову.

²² См. прим. 18.

²³ По всей видимости, речь идет о забастовках рабочих, которые на фоне продовольственного кризиса начались в Петрограде в феврале 1921 года. В это же время растет недовольство в Кронштадте, вылившееся в Кронштадтское восстание (28 февраля — 18 марта). 25 февраля из-за волнений на заводах и фабриках в городе было введено военное положение, 3 марта в связи с кронштадтскими событиями в Петрограде и Петроградской губернии было объявлено осадное положение. Ср. ретроспективную запись в дневнике Блока: «3 марта объявили „осадное положение“, потом скоро — „военное“. От канонады дребезжали стекла. 24-го открыли театры» (*Блок А. Собр. соч.*: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 421).

²⁴ Этот разговор Волюнский ранее передавал Андрею Белому, см. запись последнего: «...Волюнский, с которым я видался, мне говорил, что он имел много разговоров о 12-ти с Блоком; между прочим: когда заговорили о Христе («в венчике Христос»), то Блок сказал: „Ах, оставьте: не говорите!“» (*Белый А. Дневники. К материалам о Блоке. С. 460*). Появившийся в финале поэмы Христос оставался объектом рефлексии Волюнского и позднее. Как свидетельствует полный сарказма отзыв Голлербаха, на собрании памяти Блока, устроенном в Доме литераторов в годовщину смерти поэта, А. Л. Волюнский говорил «о Христе, исключительно и единственно о Христе», стараясь «высвободить „исторического Христа“ из-под „мусора“ и „мишуры“ мифотворчества и ортодоксии» (*Голлербах Э. Ф. Поминки Блока (Из петербургских впечатлений) // Накануне. 1922. 1 сент. № 122. С. 2*). Также см.: *Котельников В. А. Русский Агасфер: Аким Волюнский как мыслитель и критик культуры. СПб., 2023. С. 287–288, 292–295*.

²⁵ Созданная 1 апреля 1920 года блоковская «Записка о „Двенадцати“» была публично прочитана Андреем Белым на заседании Вольной философской ассоциации 28 августа 1921 года и опубликована в составе его речи в сборнике: *Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг. Пб., 1922. С. 30–32*.

²⁶ Блок познакомился с Вл. Пястом (В. В. Пестовским) в 1905 году. Как отмечает З. Г. Минц, «их отношения за 16 лет проделали весьма знаменательную эволюцию, включавшую периоды и большой духовной близости, и охлаждений, и разрывов» (*Переписка с Вл. Пястом / Вступ. статья, публ. и комм. З. Г. Минц // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 176*). В 1918 году, не приняв поэму «Двенадцать», Пяст порвал отношения с Блоком — примирение произошло только в 1921 году благодаря стараниям Н. А. Павлович. Тем не менее в эти годы Блок с Пястом неоднократно виделись, в том числе и в редакции «Всемирной литературы». Как свидетельствуют протоколы, Пяст подготовил для горьковского издательства переводы швейцарской писательницы И. Эбергард (АГ. КГ-изд. 4-4-22. Л. 6) и Лопе де Веги (АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 149. [Л. 1]). Однако во «Всемирной литературе» эти переводы не вышли. После смерти Блока Пяст печатал заметки о поэте в различных периодических изданиях (одна из самых ранних публикаций: *Пяст Вл. Умер Блок // Жизнь искусства. Тематическое приложение «Памяти Блока». 1921. 16–21 авг. № 804. [С. 6]*), позднее появились его мемуарные книги: *Пяст Вл. 1) Воспоминания о Блоке. Письма Блока. Пг., 1923; 2) Встречи. М., 1929*.

²⁷ Д. Е. Максимов отмечал, что «среди друзей Блока не было ни одного, которого бы поэт любил с такой нежностью и постоянством, как Евгения Павловича» (*Максимов Д. Е. Александр Блок и Евгений Иванов // Блоковский сборник <I>. С. 344*). См. также: Александр Блок в дневнике Е. П. Иванова (1903–1941) / Подг. текста, вступ. статья и комм. О. Л. Фетисенко // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2011. Т. 4. С. 311–436; Александр Блок и Евгений Иванов: В 2 кн. / Отв. ред., сост., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. СПб., 2017.

²⁸ Вероятно, об этом посещении Блок писал матери 28 мая 1921 года: «Третьего дня приходил Женья Иванов. Я почти не говорил с ним, потому что плохо себя чувствовал» (*Блок А. Собр. соч. Т. 8. С. 538*). По свидетельству Н. А. Павлович, «в начале болезни был еще у них Евгений Павлович Иванов. Блок рассказывал ему, что в начале июня ему страшно захотелось к морю,

в Стрельну. Ходил он тогда уже с трудом: взял палку и кое-как добрел до трамвая. У моря было очень хорошо и тихо в тот день. Он долго так сидел один. „А вернулся — и слег“, — сказал Александр Александрович. Последнее свидание двух друзей было недолгим. Евгений Павлович добавил: „Саша тогда прощался со всем, что любил“» (*Павлович Н. А.* Воспоминания об Александре Блоке. С. 251).

²⁹ А. А. Кублицкая-Пиоттх была вызвана доктором Пекелисом в Петербург, по свидетельству М. А. Бекетовой, «за четыре дня до смерти сына» (*Бекетова М. А.* Александр Блок. Биографический очерк. С. 200).

³⁰ Лозинского и Блока связывала тонкая генеалогическая цепочка. Дядя Михаила Леонидовича Евгений Яковлевич был женат на Фелиции-Валерии Феликсовне Кублицкой-Пиоттх, сестре Франца Феликсовича, отчима Блока. Подробнее см. черновой набросок письма Г. П. Блоку: «Я, петербуржец». Переписка А. А. Блока и М. Л. Лозинского / Предисловие, публ. и комм. А. Лаврова и Р. Тищенко // Литературное обозрение. 1986. № 7. С. 109. Генеалогическое древо Лозинских см.: *Толстой И.* Внутри расколотой семьи. Лозинские в письмах и домашних воспоминаниях // *Соплаисеур*. Книги, архивы, графика, театр: историко-культурный альманах. Новое о старом. Прага, 2022. № 3. У нас в Ленинграде. Полутом 1 / Сост. и ред. И. Толстой. С. 250–251. О детских играх Блока с Лозинскими вспоминает Ф. А. Кублицкий-Пиоттх: «В сущности говоря, у Саши в детстве и ранней молодости не было настоящих близких товарищей. В детстве друзьями игр были мы, двоюродные братья, и другие родственники нашего возраста (Лозинские, Недзвецкие)» (цит. по: Письма Блока к А. А., С. А. и Ф. А. Кублицким-Пиоттх / Вступ. статья, публ. и комм. В. П. Енишерлова // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 339).

³¹ Ср. с известным признанием Блока в письме к Андрею Белому, в котором он охарактеризовал свой «путь» как «трилогию вочеловечения»: «...от мгновения слишком яркого света — через необходимый болотистый лес — к отчаянию, проклятию, „возмездию“ и... — к рождению человека „общественного“, художника, мужественно глядящего в лицо миру...» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / Публ., предисловия и комм. А. В. Лаврова. М., 2001. С. 406; письмо от 6 июня 1911 года).

³² «Ночные часы» — четвертый поэтический сборник Блока, вышедший в издательстве «Мусагет» в 1911 году. Большая часть стихотворений из этой книги вошла в третий том «Собрания стихотворений» Блока (см. комм.: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 561–977).

³³ Литературовед, пушкинист Николай Осипович Лернер входил в состав редакционной коллегии «Всемирной литературы». Отредактировал переводы романов Р. Ролана «Кола Бренчон» (Пб.: Государственное издательство, 1922; пер. М. Елагиной) и А. Струга «Деньги» (Пб.; М.: Государственное издательство, 1923; пер. Е. Гонзаго). Написал предисловия и выступил редактором произведений П.-Ж. Беранже и Ж. Ромена. Также был одним из рецензентов произведений М. Пруста, романы которого планировалось издать (подробнее см.: *Любимова М. Ю., Чечнёв Я. Д.* Издательство «Всемирная литература» в творческом дискурсе Е. И. Замятина // Русская литература. 2022. № 4. С. 206–217).

³⁴ 20 февраля 1852 года консилиум врачей поставил Гоголю диагноз менингит. В. С. Аксакова сообщала М. Г. Карташевской, что о писателе распустили слух, будто он сошел с ума. Появлению подобного рода кривотолков способствовало поведение самого Гоголя (отказ от лечения и пищи), история болезни которого была рассказана многочисленному собранию в доме графа А. П. Толстого доктором А. И. Овером (см.: *Виноградов И. А.* Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: В 7 т. М., 2018. Т. 7. 1851–1852. С. 322–323).

³⁵ Андреев, как отмечал его лечащий врач Г. И. Прибытков, страдал от неврастении: «...я заключаю, что Леонид Николаевич Андреев страдает тяжелой нейрастенией [неврастенией] на почве дегенеративного предрасположения, что, в сущности, болезнь его следует считать неизлечимой и что всякие психические и нервные потрясения для него, безусловно, не только вредны, но и опасны» (*Уайт Ф.* «Тайная жизнь» Леонида Андреева: история болезни // Вопросы литературы. 2005. № 1. С. 323). Скончался писатель от кровоизлияния в мозг (см.: *Куприна-Иорданская М. К.* Эмиграция и смерть Леонида Андреева: Воспоминания. [Нью-Йорк, 1920]. Ч. 4).

³⁶ Судя по продолжению речи, Лернер имеет в виду стихотворение «Скифы», написанное Блоком 29–30 января 1918 года и впервые опубликованное в левозероверской газете «Знамя труда» (*Блок А.* Скифы // Знамя труда. 1918. 20 (7) февр. № 137. С. 4). В этой же газете опубликованы статья Блока «Интеллигенция и революция» (1918. 19 янв. (1 февр.). № 122. С. 2–3) и поэма «Двенадцать» (1918. 3 марта (18 февр.). № 147. С. 2). Редактором литературного отдела был один из идеологов «скифства» — критик Иванов-Разумник (Р. В. Иванов). Стихотворение Блока написано во время сближения поэта с литературной группировкой «Скифы» и должно было появиться в третьем выпуске одноименного сборника, который, однако, не состоялся (первые два вышли в 1917–1918 годах). Как пишет современный исследователь, «„Скифы“ Блока во многом перекликаются с декларацией, открывающей первый сборник „Скифы“, где скифов, олицетворение здорового варварства, носителей мятежного максимализма, жажды жизни противопоставляют

больной, склеротической Европе. Именно это стихотворение подтверждало для современников солидарность Блока с указанной группой писателей» (Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. С. 472). Этим и объясняется ошибка Лернера.

³⁷ Речь идет о строках: «Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет / В тяжелых, нежных наших лапах» (Там же. Т. 5. С. 79).

³⁸ Вильгельм Александрович Зоргенфрей был переводчиком и редактором «Всемирной литературы». Для горьковского издательства он подготовил 8 книг. Перевел драму австрийского поэта Ф. Верфеля (Пб.; М.: Государственное издательство, 1922), четыре новеллы К. Штернгейма (Пб.; М.: Государственное издательство, 1923), отредактировал поэму Г. Гауптмана «Зимняя баллада» (Пб.; М.: Государственное издательство, 1923), пьесы Г. фон Клейста для первого (Пг.; М.: Государственное издательство, 1923; пер. Б. Пастернака и А. И. Оношкович-Яцыны) и второго (Пг.; М.: Государственное издательство, 1923; пер. Ф. Сологуба и А. Н. Чеботаревской) томов собрания сочинений писателя. Также помогал Блоку в работе над «Путевыми картинами» Гейне. Зоргенфрей перевел, написал предисловия и примечания к «Сиду» И. Г. Гердера (Пг.: Всемирная литература, 1922) — обработке романсов об испанском национальном герое. 14 января 1921 года заведующий Немецким отделом издательства Б. П. Сильверсван представил отзыв о подготовленной книге с замечаниями. В результате редактору тома — Гумилеву — было поручено «внести в перевод все необходимые исправления» (АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 11. [Л. 1]). Во «Всемирной литературе» предполагалось издание сочинений немецкого поэта и драматурга Л. Уланда (не осуществилось). Инициатором выступал Гумилев. В качестве редактора предлагалась кандидатура Зоргенфрея (АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 8. [Л. 1 об.]). На этом его работа в издательстве не исчерпывается. Зоргенфрей подготовил и другие переводы, например пьесу «австрийского Гете» Ф. Грильпарцера «Либуша» (1844), которая была издана в итоге не «Всемирной литературой», а Театральным отделом Наркомпроса (*Грильпарцер Ф. Любуша: Трагедия в 5 д.* / Пер. и предисловие В. Зоргенфрея. Пг.: Театральный отд. Нар. ком. по просвещению, 1919). См. также: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Из эпистолярного наследия Александра Блока. Письма к В. А. Зоргенфрею. С. 304–307.

³⁹ «Образ Блока» был воссоздан в развернутой статье, датированной 11 декабря 1921 года (Зоргенфрей В. А. Александр Александрович Блок (По памяти за пятнадцать лет: 1906–1921 гг.) // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 123–154). «Чисте, глубже Вас никто еще не писал о Саше, дорогой Вильгельм Александрович (только что прочла). Весь облик встает перед глазами», — признавалась автору А. А. Кублицкая-Пиотух (*Васильева И. М.* Из архива В. А. Зоргенфрея // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 569). Ранее в «Записках мечтателей» был помещен некролог поэту (Зоргенфрей В. Блок // Записки мечтателей. 1922. № 5. С. 23–27). По воспоминаниям Зоргенфрея, в последний раз он видел Блока 27 апреля 1921 года, «во вторник, в редакции „Всемирной литературы“» (Зоргенфрей В. А. Александр Александрович Блок. С. 123). По-видимому, встреча произошла 26 апреля. В протоколе заседания редакционной коллегии от этой даты не указан состав участников, среди выступающих имя Блока не возникает. Обсуждался перевод «Девяносто третьего года» Гюго в переводе Е. М. Шишмаревой (АГ. КГ-изд. 4-4-15. [Л. 1]).

⁴⁰ С 1919 по 1921 год В. А. Рождественский не только помогал Блоку в работе в Петроградском отделении Всероссийского союза поэтов (подробнее см.: *Кукушкина Т. А.* Всероссийский Союз писателей (Петроградское отделение). Период становления. 1920–1923 гг. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008), но и в издательстве «Всемирная литература». Так, известно, что Рождественский работал над переводом стихотворных вставок в прозаических произведениях Гейне. В протоколах издательства сохранился отзыв заведующего редакцией А. Н. Тихонова (АГ. КГ-изд. 4-4-6. Л. 4). Также Рождественский перевел песнь первую, третью, четвертую, пятую, шестую, седьмую и отдельную балладу «Робин Гуд выручает Виля Статли» для книги «Баллады о Робин Гуде» (Пб.: Всемирная литература, 1919), редактором которой выступил Гумилев. В рабочих записях Лозинского сохранились упоминания о редактировании 8 переводов стихотворений, выполненных Рождественским для несостоявшегося издания поэтических произведений В. Гюго (РНБ. Ф. 1437 (Л. М. Лозинский). Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 19–20). Кроме того, Рождественский участвовал в коллективном переводе «Дон Жуана» Байрона. М. Л. Гаспаров опубликовал сохранившиеся отрывки переводов, выполненных Гумилевым, Г. В. Адамовичем и М. А. Кузминым (*Гаспаров М. Л.* Неизвестные русские переводы байроновского «Дон Жуана» // Великий романтик: Байрон и мировая литература. М., 1991. С. 211–221). На заседании редакционной коллегии «Всемирной литературы» 2 мая 1922 года обсуждался другой состав переводчиков. А. Н. Тихонов предлагал разделить работу «между Г. В. Адамовичем, В. А. Рождественским и Г. В. Ивановым, или же взять старый перевод Козлова» (АГ. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 115. [Л. 1]). 9 мая Замятин, которому поручили сравнить перевод Адамовича и Козлова, отметил, что лучше взять последний, поскольку коллективный перевод может «выйти слишком пестрым» (Там же. Ед. хр. 116. [Л. 1]).

⁴¹ Блок вышел из Петроградского отделения Союза поэтов из-за эстетических разногласий с Гумилевым. Рождественский описал конфликт в Союзе в своем мемуарном очерке: *Рожде-*

ственный В. А. Как это начиналось. Листки воспоминаний // День поэзии. Ленинград. 1966. Л., 1966. С. 87–90. См. также: Кукушкина Т. А. Всероссийский союз поэтов Ленинградское отделение (1924–1929). Обзор деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 84–85; Устинов А. Б. Александр Блок и Николай Гумилев в петроградском Союзе поэтов // Rhema. Рема. 2020. № 2. С. 18–59.

⁴² Впервые опубли.: Блок и Союз поэтов. I. Блок в архиве Вс. А. Рождественского / Предисловие и публ. М. В. Рождественской; комм. Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 684–694; Блок и Союз поэтов. II. Отзывы, сохранившиеся в других архивах / Публ. Р. Д. Тименчика // Там же. С. 694–695.

⁴³ Намек на разногласия с Гумилевым, который полагал, что поэтическому мастерству можно обучить, и, как известно, активно учил всех желающих в многочисленных кружках и студиях Петрограда (см.: Николай Гумилев — учитель поэзии / Публ. Ю. В. Зобнина // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. СПб., 2005. С. 69–90). В своих мемуарах Рождественский подчеркивает нелюбовь Блока к «формализму» и описывает его споры с Гумилевым (Рождественский В. А. Александр Блок // Рождественский В. А. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. М.; Л., 1962. С. 218–244; впервые: Звезда. 1945. № 3. С. 107–115).

⁴⁴ Последний прижизненный сборник Блока. Вышел 23 октября 1920 года в издательстве «Алконост» (Дарственные надписи Блока на книгах и фотографиях / Материалы собр. Н. П. Ильиным и А. Е. Парнисом; вступ. статья и публ. В. Я. Мордерер и А. Е. Парниса; комм. Ю. М. Гельперина, В. Я. Мордерер, А. Е. Парниса, Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 147). Как подчеркивает комментатор, стихотворения, составившие сборник, уже были в «третьем томе», сверстанном в 1918 году в издательстве «Земля» (см.: Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 567).

⁴⁵ Похороны Блока описаны в дневниках и мемуарах многих современников поэта. Очень близкое к впечатлению Волинского восприятие отразилось в биографии Блока, написанной М. А. Бекетовой: «Похороны были прекрасные во всех отношениях: торжественные, красивые и благоговейные» (Бекетова М. А. Александр Блок. Биографический очерк. С. 201).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-195-209

© Г. В. Куницын, © Д. К. Поливанова, © К. М. Поливанов

ТЕМЫ И ВАРИАЦИИ КНИГИ БЫТИЯ: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЦИКЛА Б. Л. ПАСТЕРНАКА «НЕСКУЧНЫЙ САД»

В настоящей статье мы хотим предложить интерпретацию первых шести стихотворений, открывающих вторую часть или последний «большой» цикл четвертой книги стихов Бориса Пастернака «Темы и вариации». Эта часть носит общее заглавие «Нескучный сад» и состоит из четырех циклов (или подциклов) по пять стихотворений: «Зимнее утро», «Весна», «Сон в летнюю ночь» и «Осень» (перед последним помещаются также программное стихотворение «Поэзия» и цикл «Два письма»). Интересующие нас тексты стоят перед «календарными» циклами и оказываются, таким образом, своего рода вступлением ко всему «макроциклу» «Нескучный сад». Они составляют, как мы постараемся показать, первый и вступительный цикл ко всей второй части стихотворной книги.

Вступительная, обобщающая роль цикла определяется уже тем, что название, предпосланное всей части, «Нескучный сад» обыгрывается в его первом стихотворении, в котором хорошо известный московский сад, расположенный вдоль набережной Москвы-реки («от набережной до ворот»), становится составляющей развернутого сравнения. Возможно, все тот же сад или его дальний край, примыкающий к Воробьевым горам, может угадываться и в третьем стихотворении, «Орешник». При этом обращение героя с упреками-предупреждениями к возлюбленной в, надо полагать, комнатном пространстве, во втором, равно как и достаточно условный лес в четвертом или воспоминание о много лет назад завершившемся летнем дачном сезоне в пятом, не